

Михаил УЛЬЯНОВ: ПУТЬ К СЕРДЦУ ЗРИТЕЛЯ

ЭТО СТАНОВИТСЯ доброй и славной традицией Дома актера: вечером, когда заканчиваются спектакли, в уютной гостиной, хорошо знакомой москвичам по телепередачам «Театральные встречи», собираются молодые артисты для разговора «по душам», для споров о профессии, приобретении драгоценных крупиц опыта...

Сегодня в гостях у молодежи народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Михаил Александрович УЛЬЯНОВ.

— Когда я был студентом, думал: как хорошо быть народным артистом — все ясно, дорога прямая, всего, чего хотел, добился. Но оказалось наоборот — ни покоя, ни ощущения покоренной высоты, ни уверенности в знаниях, секретов мастерства нет! Все труднее жить, потому что задачи стоят перед тобой все выше. Вероятно, в этом есть смысл нашей профессии, смысл, состоящий в бесконечной, непрекращающейся работе. Поэтому давать рецепты, учить я не умею и не буду. Лучше попробую ответить на ваши вопросы.

— Как вы относитесь к современному герою?

— Как и каждый человек, я и усталый бываю, и раздраженный. Преодолеваю себя, порой разочаровываюсь или опускаю руки, но продолжаю жить, работать. И когда я вижу «идеального» героя, который не устает, не раздражается, — это мне неинтересно. Вот, скажем, хороший актер Ален Делон. Он играет все время одно и то же, ему не надо перевоплощаться. Лихо играет: одновременно стреляет из двух ружей и одного автомата, который зажат в ногах. Я смотрю на него, на зрителей и вижу, что это сказка, которую все смотрят с интересом, но бездумно. Вот так же и тот идеальный, стерильный положительный герой меня не волнует. Мне интересен грешный человек, который мучается, борется и побеждает — через кровь, пот, через страдания. Он дорог мне, потому что живет жизнью, которой живу я.

Некоторые думают: вот я посмотрел на нескольких героев и стал лучше от того, что они хорошие... По-моему, искусство воздвигает прежде всего не показом хороших людей, а тем, что заставляет зрителей думать, сопоставлять, размышлять. Тогда они становятся умнее, а значит, тоньше и глубже. Сейчас одна из главных проблем нашей жизни — это ответственность, которую каждый берет на себя. На производстве, в общественной жизни. Как только на сцене начинается всерьез разговор о сегодняшних делах, зритель — «наш».

— Какие роли вы хотели бы сыграть?

— Нет ничего дороже, чем взаимопонимание зрителя и актера. А оно достигается не темпераментом, не блеском игры, не режиссерским решением, а сопереживанием, совместными раздумьями и поисками решений тех проблем, которые сегодня нас волнуют. Последний фильм Шукшина про-

зритель не потому, что до него не играли так хорошо, как он, или не рассказывали об уголовниках, вышедших из тюрьмы. А потому, что он рассказал о человеке, который страшно и бездарно прожил свою жизнь. И это был крик, который ударил в сердце зрителя, потому что и мы порой тратим себя бездарно.

— Одной из традиций русского театра, русского актерства была помощь мастеров молодым. А сегодня, в частности в вашем театре, она сохранилась?

— Я скажу честно и откровенно. Мы помогаем своим младшим товарищам, но настолько мало, что порой чувствуешь стыд.

Не хватает даже не времени, а сил, чтобы серьезно посидеть и поговорить. Я кое-что делаю в меру своих возможностей, но этого мало. Но у проблемы есть и иная сторона. Я верю в то, что, пока вы не научитесь самостоятельно работать, ни один, самый большой художник актера из вас не сделает. Я недавно прочитал короткое интервью Чаплина, где он сказал, что больше всего в искусстве его пугает сегодняшний дилетантизм. Это, наверное, потому, что руку набивают быстро, но сердце сживает еще быстрее, чем набивают руку.

Привычные ремесленные навыки приходят довольно скоро: молодежи много работает на радио, телевидении, в кино, театре. Сейчас нет проблемы занятости молодежи, но есть другая — проблема душевного богатства. Юрий Любимов рассказывал, как он играл в «Человеке с ружьем» при Щукине роль в четыре слова, и каким это было для него потрясением. А если спросить любого из нас: было ли у вас потрясение, когда вы выходили играть роль длиною в четыре слова?..

Дело не в том, чтобы вы стояли навтыжку перед «стариками», а в том, чтобы вы стояли навтыжку перед искусством. А иные из вас перед искусством стоят, развалившись и почесываясь: я, мол, все могу! Это убийственно для молодых. Художника без сердца не может быть, как бы он ни был виртуозен. Не бывало в искусстве, чтобы вырос крупный мастер своего дела без душевных потрясений, без душевной боли. Ведь подумать только: сидят в зрительном зале тысяча человек — умных, тонких, усталых — разных. Как же я смею выйти на сцену, не имея ничего за душой, и занимать их время в течение трех часов?

По-моему, лучшего чувства, чем ученичество, нет. Когда встречается режиссер, который говорит: направо или налево, громче или тише — он ничего не дает актеру. А когда встречается человек, который открывает тебе то, чего ты не знал, я радуюсь этому, потому что я расту. И молодежи сейчас не хватает, по-моему, ощущения ученичества, ощущения радости познания. По-моему, сознание своего мастерства, нужности в коллективе не растит человека, а растит его только одно: сомнение в том, все ли ты узнал...